

Евро 18+ забытых вещей и ненайденных носков

Маша Тусина

Маша Тусина

**Бюро забытых вещей
и ненайденных носков**

«Издательские решения»

Тусина М.

Бюро забытых вещей и ненайденных носков / М. Тусина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-700612-5

Это история о том, как в один неидеальный день можно потерять всё — работу, ключи и душевное равновесие. А взамен обрести дар слышать голоса вещей. Героиня открывает «Бюро забытых вещей», где старые уюты тоскуют по былой славе, носки философствуют об одиночестве, а письма ждут своего часа сто лет. Тёплая и абсурдная история о том, что потерянное всегда можно найти: саквояж с мечтами, утраченную улыбку или себя самого. Достаточно просто уметь слушать.

ISBN 978-5-00-700612-5

© Тусина М.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. День, когда я потеряла всё, кроме чувства юмора	6
Глава 2. Теория большого носка	9
Глава 3. Соседи и их секреты	13
Глава 4. Бизнес-план на салфетке	17
Часть вторая	21
Глава 5. Дело о пропавшей улыбке	21
Глава 6. Соседка с чемоданом	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Бюро забытых вещей и найденных носков

Маша Тусина

© Маша Тусина, 2026

ISBN 978-5-0070-0612-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Откуда берутся носки и куда они уходят

Глава 1. День, когда я потеряла всё, кроме чувства юмора

Утро началось с того, что мне предложили забрать коробку.

— Лена, вы хороший специалист, — сказала Оксана из отдела кадров, глядя куда-то в район моего левого уха. — Но рынок сейчас непростой, и мы вынуждены оптимизироваться.

Я кивала в такт её голосу и думала о том, что у неё очень удачный оттенок помады. Такой... оптимизационный. Подходит для увольнения людей. Ни судебного иска не хочется подавать, ни даже поплакать.

Коробку мне выдали стандартную, из-под бумаги для принтера. Я сложила туда кружку с надписью «Лучшему маркетологу» (коллеги подарили на прошлый Новый год, ирония судьбы), статуэтку совы, которую я держала на столе «для мудрости», ежедневник за прошлый год, который всё никак не доходили руки выкинуть и шоколадку, которая случайно завалилась в ящике стола. Остальное поместилось в голову, но про это Оксана не спрашивала.

В лифте я встретила курьера с пиццей. Он спросил:

— Вы на какой?

— На свободу, — ответила я, и мы оба сделали вид, что это была шутка.

Дверь подъезда я открыла локтем, потому что коробка занимала обе руки. В лифте пришлось поставить её на пол и прислониться спиной к зеркалу. В зеркале отражалась девушка лет двадцать восьми с собранными в хвост волосами и таким выражением лица, будто она только что узнала, что в её любимом сериале убили главного героя.

— Ничего, — сказала я себе. — Главное — здоровье. И ключи.

Ключи, как выяснилось через три минуты, когда я стояла перед своей дверью, остались дома. Наверное в старой сумке, у которой утром оторвалась ручка. Очевидно, это был знак.

Я поставила коробку на пол, присела на корточки и закрыла глаза.

В голове было пусто и чисто, как в офисе после того, как все ушли. Ни одной внятной мысли. Только где-то на периферии зудело: ключи, ключи, ключи, ты идиотка.

— Ну и ладно, — сказала я вслух, потому что разговаривать с собой на лестничной клетке — это ещё не шизофрения, это просто временные трудности. — Посижу тут. Подожду кого-нибудь.

Я открыла коробку. Сверху лежала кружка. Я достала её, поставила рядом. Потом достала сову. Потом ежедневник. Разложила всё это перед собой, как товар на ярмарке абсурда.

— Ну и что мне с вами делать? — спросила я у вещей.

Кружка была белой, с синей надписью и едва заметным кофейным налётом внутри. Я давно её не мыла по-настоящему, только споласкивала. Сову я протирала влажной салфеткой раз в месяц, примерно. Ежедневник вообще пылился на полке.

И тут я услышала шёпот.

Тоненький такой, недовольный, будто комар над ухом.

— Три месяца, — говорил кто-то. — Три месяца легкий душ и никакой ласки. Я чернее трубочиста.

Я замерла.

— А я вообще не понимаю, зачем меня держат, — подключился второй голос, поглубже. — Только место занимаю. Ни мудрости от меня не ждут, ни даже просто поставить красиво — вечно в угол задвинут, за монитор.

Я медленно повернула голову и посмотрела на кружку и сову.

Они молчали. Конечно, они молчали. Кружка не может разговаривать. Сова — тем более, она вообще деревянная.

— Нервы, — сказала я вслух. — Стресс. Оксана со своей помадой. Надо было позавтракать.

Я залезла в коробку поглубже, нашла шоколадку, развернула и откусила. Шоколад оказался горьким, с апельсиновой ноткой. Я жевала и смотрела на дверь своей квартиры, за которой было всё, что у меня оставалось: диван, полупустой холодильник и, кажется, где-то в прихожей лежали те самые ключи.

— Эх, — вздохнула я.

— Вот именно, — отозвалась кружка. — Эх.

Шоколад застрял в горле.

— Вы... это... вы что, правда говорите?

— А то ты не слышишь, — буркнула сова. — Всё ты слышишь. Просто делать вид, что нет — удобнее.

Я поперхнулась. Пришлось стучать себя по груди. Стук получился гулкий, как в пустой бочке.

— Так, — сказала я, когда откашлялась. — Давайте по порядку. Кто вы?

— Я кружка, — сказала кружка. — Была когда-то любимой. Ты только из меня первый год и пила, а потом — раз, и в общую посудомойку. А там химия, там жара, там другие кружки, бездушные, икеевские. Я тонкую натуру имею, между прочим, ручная работа, Гжель.

— Ты не Гжель, — возразила я. — Ты из «Мира сувениров» за триста рублей.

— Какая разница, где родился, если душой из Гжели? — философски заметила кружка. Я решила не спорить. Повернулась к сове.

— А ты?

— А я зачем тебе? — вопросом на вопрос ответила сова. — Стою, пылюсь, мудрость символизирую. Только ты за мудростью не ко мне, ты в интернет ходила. А могла бы просто посидеть, посмотреть на меня и подумать. Я, между прочим, много чего знаю.

— Например?

— Например, что ключи твои не в старой сумке, а в куртке, в которой ты вчера в магазин ходила.

Действительно. Вчера я ходила в магазин. В джинсах. И куртка... куртка висела в прихожей. Если сова права, то ключи лежат в кармане куртки, но что это меняет? Они тама, я тут сижу на холодном полу и разговариваю с посудой.

— Спасибо, — сказала я сове машинально. — Обязательно проверю твою мудрость. Когда в квартиру попаду.

— На здоровье. И вообще поставь меня на подоконник. Там вид лучше.

— Договорились.

Я встала, подошла к двери и прижалась ухом. Тихо. Никаких признаков жизни, кроме урчания холодильника. И где-то внутри, в прихожей, в кармане куртки лежат ключи и, наверное, даже не подозревают, что я тут сижу и веду душещипательные беседы с керамикой и деревяшкой.

— Ну и как мне теперь попасть внутрь? — спросила я у вселенной.

Вселенная молчала. Зато заговорила лестница.

— Ленка, ты чего тут расселась? — это была тётя Нина, консьержка с первого этажа, которая, судя по всему, шла на разведку, потому что в её обязанности входило знать всё про всех.

— Ключи забыла, тётя Нин.

— А-а-а, — сказала она с таким видом, будто я сообщила, что забыла выключить утюг, и это в порядке вещей. — Бывает. А чего с вещами разговаривала?

— Дурное настроение, — честно ответила я.

Тётя Нина посмотрела на меня, на кружку, на сову, на ежедневник. Потом достала из авоськи, которую всегда носила с собой, пирожок, завернутый в салфетку.

— На, поешь. Утро тяжёлое, вижу.

Пирожок был с капустой, ещё тёплый. Я взяла, откусила. Капуста оказалась слегка сладковатая, с яйцом. Домашнее. Тётя Нина пекла сама и кормила весь подъезд, потому что иначе, говорила она, люди совсем озвереют.

— Спасибо, — сказала я с набитым ртом.

— Да не за что. А дверь твою я открою. У меня же ключи есть от всех квартир, на случай пожара. Только ты это... никому.

— Я могила.

Тётя Нина достала связку, похожую на экспонат музея тюремной индустрии, нашла нужный ключ, и дверь поддалась с привычным скрипом.

— Заходи, — сказала она. — И ты это... сходи куда-нибудь. В церковь, что ли. Или к бабке.

— Зачем?

— А чтоб не разговаривала с кружками, — тётя Нина подмигнула. — Хотя, с другой стороны, кружки — они умные, бывает. Моя вон, любимая, тоже мне иногда советы даёт. Особенно когда чай заварю неправильно.

Она ушла, оставив меня в прихожей с коробкой, пирожком и ощущением, что мир окончательно съехал с катушек, но в этом даже есть какой-то уют.

Я залезла в карман куртки. Ключи были там. Я сжала их в ладони — они казались тёплыми, хотя это, конечно, была иллюзия, просто мои руки замёрзли на лестнице. Но мне хотелось думать, что они меня ждали.

— Спасибо, сова, — крикнула я в сторону коробки.

— Не за что, — донеслось оттуда. — Но на подоконник поставь сегодня. А то я тут задохнусь в этой тесноте.

Я поставила чайник, достала кружку (ту самую, говорящую), налила себе кипятка, бросила пакетик. Кружка молчала, но, кажется, довольно грелась.

— Ну что, — сказала я ей. — Будем знакомы заново?

Кружка чуть заметно вибрировала в такт моему дыханию. Или мне казалось.

В конце концов, если уж разговаривать с посудой, то хотя бы с любимой. А остальное как-нибудь образуется.

За окном светило солнце, впереди был целый день без работы, и даже от пирожка оставалась ещё половина. Жизнь, определённо, налаживалась. Пусть и слегка абсурдным способом.

Глава 2. Теория большого носка

Вечер наступил как-то незаметно.

Я пережила день, пережила разговор с тётей Ниной, пережила даже тот момент, когда сова снова напомнила про подоконник. Я её переставила. Заслужила, как-никак — ключи же и правда в куртке ждали. Кружку вымыла нормально, с губкой и средством, отчего она довольно мурлыкала что-то себе под нос.

К пяти часам я поняла, что если ещё пять минут просижу на диване, глядя в одну точку, то обросту мхом. Надо было чем-то заняться. Рутинным. Не требующим участия говорящей посуды.

Я пошла стирать.

В корзине для белья накопилось достаточно, чтобы загрузить машинку до отказа. Я кинула туда простыни, пару полотенец, несколько футболок и, конечно, носки. Пять пар, если быть точной. Чёрные из разных пар, три пары серых и одни в горошек (подарок подруги на Восьмое марта, я их стеснялась носить, но выбрасывать было жалко).

Выставила режим — хлопок, 60 градусов. Нажала кнопку. Машинка загудела, как сытый кот, и я пошла на кухню пить чай.

Чай, кстати, удался. Кружка молчала, но это было молчание довольное, с оттенком превосходства. Я решила не придирааться.

Часа через полтора машинка пискнула.

Я выгрузила бельё в таз, притащила его в комнату и уселась на пол сортировать. Простыни — в одну сторону, полотенца — в другую, футболки — на плечики, носки — отдельно, чтобы потом разобрать по парам.

Я разложила носки на ковре. Точнее один носок. Черный самый скучный. Без отворота, без горошка, просто носок, каких миллионы.

Я посмотрела на него. Потом перетрясла все футболки, заглянула в таз, даже машинку открыла и пошарила рукой внутри барабана.

Из пяти пар вернулся один носок.

Остальные девять штук исчезли. Бесследно. Как будто их никогда и не было.

— Ну и куда вы? — спросила я у пустоты.

Пустота не ответила.

Я села на ковёр, обхватила колени руками и уставилась на оставшийся носок. Он лежал отдельно от всех, сиротливо, и, кажется, даже немного поник.

— Это уже не смешно, — сказала я. — С утра кружки разговаривают, днём совы дают советы, вечером носки испаряются. Завтра, наверное, холодильник потребует паспорт.

— А чего сразу холодильник? — вдруг раздался тонкий, чуть гнусавый голос. — Холодильник — техника серьёзная, ему паспорт ни к чему. Ему бы разморозку вовремя.

Я замерла.

Голос шёл откуда-то снизу. С ковра. От чёрного носка.

— Ты? — спросила я, наклоняясь ближе.

— А кто же ещё? — вздохнул носок. — Пододеяльники, что ли? Они спят уже. У них режим жёсткий.

Я отодвинулась обратно. Потом снова приблизилась. Потом села ровно и положила руки на колени, как примерная ученица.

— Так, — сказала я максимально спокойным голосом. — Давай по порядку. Ты — носок.

— Ну, допустим, — согласился носок.

— И ты разговариваешь.

— А ты удивлена? С утра с кружкой общалась, с совой — пожалуйста, а тут — фокус. Носок, видите ли, разговаривает. Дискриминация.

— Нет, — я потёрла виски. — Я не дискриминирую. Я просто... пытаюсь понять. Где остальные? Где твоя пара? Где носки в горошек?

Носок тяжело вздохнул. По крайней мере, мне показалось, что это был вздох. Для носка.

— Ушли, — сказал он обречённо. — Мой брат, тот, что в паре со мной, — он ушёл в мир иной. Потому что ты... ты стирала при шестидесяти градусах, ты понимаешь, что это такое?

— Это нормальная температура, — попыталась защищаться я. — Для хлопка.

— Для хлопка — может быть, — в голосе носка зазвенела укоризна. — А для него? Он же тонкая организация. Шерсть с синтетикой, между прочим. Ему максимум — тридцать, и то с кондиционером. А тут — шестьдесят! Отжим — тысяча оборотов! Это насилие, понимаешь? Чистой воды насилие.

Я открыла рот и закрыла. Потом открыла снова.

— То есть... они все погибли?

— Не все, только черный, — поправил носок. — Остальные ушли. В лучший мир. Где стирают руками в тазике и сушат на верёвочке под солнцем. Там, говорят, даже носки в горошек принимают.

Я представила себе рай для носков. Тёплый ветерок, верёвки, натянутые между берёзок, и никаких центрифуг. Картина была настолько абсурдной, что я хихикнула.

— Тебе смешно, — обиделся носок. — А я вот остался. Один. Сирота.

Я посмотрела на носок с новым чувством. В нём действительно было что-то трагическое. Одиноким, брошенный, но держащийся. Как старая гвардия.

— Прости, — сказала я. Честно. Потому что, если уж разговаривать с носками, надо быть с ними честными.

— Прощаю, — великодушно ответил носок. — Но ты учти: если ещё раз поставишь шестьдесят, я тоже уйду. К брату. В мир иной.

— А что мне делать? Мне же надо стирать.

— Тридцать градусов, — твёрдо сказал носок. — И жидкий порошок. Сухой порошок — это тоже стресс, между прочим, он в волокнах застревает.

Я кивнула. Сидела на ковре, смотрела на носок и кивала. До меня вдруг дошло: я схожу с ума. Это всерьёз. Я слышу вещи. Все вещи, похоже. И у них у всех есть характер, память и какие-то свои тараканы.

Мне стало страшно.

— Так, — сказала я, вставая. — Мне нужно подумать. Я пойду... позвоню кое-куда.

— Врача вызывать будешь? — понимающе спросил носок. — Давай. Только знай: от этого не лечат. Это дар. Или проклятье, с какой стороны посмотреть. Я, например, рад, что ты наконец-то начала нас слышать. А то сколько можно игнорировать? Мы же существа, между прочим. У нас душа есть.

— У носков?

— А почему нет? — обиделся носок. — Мы же с тобой целый день. Ноги твои греем. В обуви страдаем. В стиралке мучаемся. Заслужили право голоса, нет?

Я не нашлась, что ответить.

До телефона я доползла на ватных ногах. Набрала номер психиатрической клиники, но на том конце была занята. Потом набрала скорую, но там сказали, что вызывать можно только при угрозе жизни. Я сказала, что угроза, может быть, пусть не моей, но чьей-то точно. Диспетчер вздохнула и посоветовала выпить валерьянки.

Я выпила. Села обратно на ковёр. Рядом с носком.

— Ну и что мне теперь делать? — спросила я у него.

— Экспериментировать, — деловито сказал носок. — Ты теперь слышишь. Значит, можешь общаться. Попробуй с другими вещами поговорить. Узнаешь много интересного.

— Например?

— Например, почему чайник свистит именно тогда, когда ты отвернулась. Или почему пульт от телевизора всегда падает кнопками вниз. Это не случайность, это характер.

Я посмотрела на чайник. Он стоял на плите и делал вид, что спит. Но я-то уже знала: не спит он. Притворяется.

— Ладно, — сказала я решительно. — Давай эксперимент.

Я встала, подошла к шкафу и открыла дверцу. Там висели рубашки, блузки, пара платьев. Я смотрела на них и ждала.

Тишина.

— Они стесняются, — подсказал носок. — Скажи что-нибудь доброе.

— Э... — я замялась. — Вы красивые.

Одна из блузок, синяя, в мелкий цветочек, колыхнулась. Совсем слегка. Сквозняка не было.

— Видела? — зашептал носок. — Откликается.

Я перевела взгляд на комод. Там, в ящике, лежало бельё. И вдруг оттуда донёсся отчётливый шёпот:

— Ну наконец-то! А то ходит, ходит, а спросить — не спросит. Мы же тут задыхаемся без внимания.

Я закрыла шкаф. Села на пол. Посмотрела на носок.

— Они все?..

— Все, — подтвердил носок. — Каждая вещь в этом доме. И не только в этом. Вообще каждая. Просто люди разучились слышать. А ты, видишь, не разучилась. Или заново научилась. Стресс, наверное, сработал. Увольнение там, ключи, тётя Нина с пирожками...

Я вспомнила утро. Кружку, сову, разговор на лестнице. И правда — стресс.

— И что мне теперь? Всю жизнь с вещами разговаривать?

— А что в этом плохого? — удивился носок. — Мы, между прочим, много чего знаем. Мы видим всё. Мы помним всё. Мы можем рассказать тебе такое, чего ты даже не подозреваешь.

— Например?

Носок загадочно замолчал. Потом сказал:

— Например, кто из твоих знакомых что на самом деле думает о тебе. Или где лежат потерянные сто рублей. Или куда делся та серёжка, которую ты искала полгода.

Я задумалась. Сто рублей — это хорошо. Серёжка — ещё лучше. А мысли знакомых... вот их, наверное, лучше не знать.

— Ладно, — сказала я. — Допустим, я согласна. Но с чего начать?

— С нас, с носков, — гордо ответил носок. — Мы самые разговорчивые. И самые обидчивые. И самые путешествующие. Мы, знаешь ли, можем перемещаться. Если нам что-то не нравится, мы просто... уходим.

— Куда?

— В другое измерение. В мир, где нас ценят. В стиральную машину к соседям. В мусоропровод. Да куда угодно. Мы свободные существа, между прочим.

Я вспомнила исчезнувшие девять носков. И поверила.

— А ты почему не ушёл?

— А я... — носок замялся. — Я, видишь ли, любопытный. Мне интересно, что дальше будет.

Я улыbnулась. Сидела на полу, рядом с тазом белья, и улыбалась говорящему носку. Идиллия.

— Слушай, — сказала я. — А имя у тебя есть?

— Имя? — удивился носок. — Носки не носят имён. Мы — функциональные. Но ты можешь звать меня... ну, допустим, Чёрный. Или Ноэль. Ноэль — это звучит гордо.

— Ноэль?

— А что? С французским акцентом. Я же не просто носок, я носок с амбициями.

Я засмеялась. Впервые за день — нормально, по-человечески, с облегчением.

— Хорошо, Ноэль. Будем знакомы.

— Рад знакомству, — чопорно ответил носок. — А теперь, если можно, положи меня в ящик. С остальными. Нечего мне тут на виду лежать. Я хоть и чёрный, а стеснительный.

Я взяла его в руки — тёплый, мягкий, чуть пушистый — и аккуратно убрала в ящик комода. Он довольно крикнул и затих.

Я пошла на кухню, налила себе чай. Кружка встретила меня молчаливым одобрением.

— Ты слышала? — спросила я.

— Всё слышала, — отозвалась кружка. — Нормальный носок, со стержнем. Жалко его, конечно. Без пары остался. Ты бы ему компанию составила, что ли. Поговорила бы ещё.

— Поговорю, — пообещала я.

Я отхлебнула чай. За окном темнело, в доме было тихо, только где-то в недрах шкафов и ящиков вещи перешёптывались о своём, о вещном.

Жизнь определённо налаживалась. Абсурдная, странная, с говорящими носками и обидчивыми кружками — но налаживалась.

В конце концов, если уж слышать вещи, то лучше, чтобы они были приятными собеседниками. А Ноэль, кажется, был именно таким.

Я допила чай, выключила свет и пошла спать. Завтра предстоял новый день. И новые разговоры. С чайником, например. Или с диваном. Интересно, диван умеет рассказывать анекдоты?

Глава 3. Соседи и их секреты

Утро началось с того, что сверху три раза стукнули по батарее.

Я открыла глаза и посмотрела в потолок. Там, наверху, жил сосед дядя Коля. Пенсионер, ворчливый, но беззлобный. Обычно он стучал, когда у него заканчивался сахар и он хотел одолжить до полочки.

Я накинула халат и вышла на лестничную клетку. Дядя Коля уже спускался — в тапках, с несчастным лицом и пустыми руками.

— Лен, у тебя отвёртки нет? — спросил он вместо приветствия.

— Есть. А что случилось?

— Да пропала, зараза. Вся моя коллекция. Пять штук. Лежали в ящике, и нету.

Я хотела пошутить про то, что отвёртки не тараканы, сами не разбегутся, но вспомнила вчерашний вечер. И носки. И Ноэля, который теперь лежал на отдельной полке и, кажется, привыкал к одиночеству.

— Может, украли? — спросила я осторожно.

— Кто? Ко мне уже полгода никто не заходил, кроме сантехника. А сантехник — Петрович, он свой, не возьмёт.

Я пошла к себе, нашла отвёртку, дала дяде Коле. Он ушёл, бормоча про бесовщину и плохую карму.

А я задумалась.

Днём, когда я выносила мусор, встретила в лифте соседку снизу. Тётя Люба, женщина лет шестидесяти, всегда приветливая, вечно пекущая что-то вкусное. Но сегодня она выглядела растерянной.

— Леночка, у тебя пульта нет лишнего?

— Какого?

— От телевизора. Мой пропал. Вчера вечером смотрела, положила на тумбочку, а утром — нет. Обшарила всю квартиру. Как сквозь землю провалился.

Я пообещала поискать и зашла к ней вечером, под предлогом вернуть соль (которую она не просила, но я придумала на ходу).

Тётя Люба жила одна. Муж умер пять лет назад, дети в другом городе. Квартира у неё была чистая, уютная, с фикусами на подоконниках и вышивками на стенах. Но было в ней что-то неумовимо грустное. Как будто вещи здесь стояли не потому, что хотели, а потому что надо.

Я посидела десять минут, выпила чай, послушала про здоровье и вернулась к себе.

— Ноэль, — позвала я, открывая комод. — Тут такое дело.

Носок лежал на своём месте, свернувшись калачиком. При моём появлении он встрепнулся.

— Слушаю.

— У дяди Коли сверху отвёртки пропали. Пять штук. У тёти Любы снизу — пульт. Это... это как-то связано с тем, что я слышу?

Ноэль помолчал. Потом сказал:

— Они не пропали. Они ушли.

— Куда?

— Туда, где их ценят. Или просто... подальше. От невнимания. От равнодушия. Вещи, знаешь ли, тоже хотят, чтобы их замечали.

Я села на кровать. Перед глазами встали дядя Коля с его вечным ворчанием и тётя Люба, которая смотрела телевизор фоном, больше слушая, чем глядя.

— И что мне делать?

— А что ты можешь сделать? — философски заметил Ноэль. — Ты не обязана всех спасать. Ты просто теперь знаешь.

— Но если я знаю...

— То что? Пойдёшь искать? В подвал, например?

Я замерла.

— В подвал?

— А ты думала, куда вещи деваются? В мусорку? Нет, там холодно и крысы. У них там, в подвале, целый мир. Я сам не был, но слышал. От тех, кто уходил и возвращался. Редко кто возвращается, но слухи ходят.

Я вспомнила, что в нашем доме есть подвал. Тёмный, сырой, куда жильцы спускаются только за банками и старыми лыжами. И где, по слухам, в коморке обитает Петрович — сантехник, который чинит всё, от кранов до утюгов, и ни разу не повысил голос.

— Петрович, — сказала я вслух.

— А что Петрович? — насторожился Ноэль.

— Он должен знать.

Петровича я нашла во дворе. Он сидел на скамейке, курил и смотрел на голубей. Вид у него был такой, будто он знает про голубей больше, чем они сами.

— Здравствуйте, — сказала я, присаживаясь рядом. — Я Лена, с третьего этажа.

— Знаю, — кивнул Петрович. — Ключи забывала. Тётя Нина рассказывала.

Я мысленно поблагодарила тётю Нину за отличную рекламу.

— Петрович, я тут подумала... У соседей вещи пропадают. Отвёртки, пульты. Это нормально?

Петрович посмотрел на меня долгим взглядом. Потом перевёл взгляд на голубей.

— А ты слышишь? — спросил он буднично, как спрашивают «чай будешь?».

Я опешила.

— Что — слышу?

— Вещи. Говорят они с тобой?

Я молчала. Петрович усмехнулся.

— Тётя Нина говорила, ты с кружкой разговаривала. Я сразу понял. У нас в доме такое бывало.

— И давно?

— Давно, — Петрович затаился. — Раньше, знаешь, в этом доме жил один мастер. Старик. Он не просто чинил вещи, он их... лечил, что ли. Мог с утюгом поговорить — и утюг работал ещё двадцать лет. Мог часы настроить — и они шли точно, даже если сломаны были.

— И где он сейчас?

— Помер, — вздохнул Петрович. — Лет десять назад. А мастерская его в подвале осталась. Я туда захожу иногда, инструменты свои храню. Но вещи... они туда сами приходят. Особенно те, что обижены на хозяев.

Я сглотнула.

— И много их?

— Полно, — Петрович встал, отряхнул штаны. — Хочешь посмотреть?

Он достал из кармана ключ — старый, ржавый, на потёртой бечёвке.

— Держи. Спустишься, увидишь. Только не пугайся. Они не кусаются. Они просто... живут своей жизнью.

Я взяла ключ. Он был тёплый. Или мне опять казалось.

Подвал встретил меня запахом сырости, мышей и ещё чего-то неуловимого. Чем-то пахло знакомым. Может, старым деревом. Может, временем.

Я спускалась по ступенькам, держась за стену. Лампочка горела тускло, жёлто, как в старом кино. Внизу была железная дверь. Ключ подошёл.

Дверь открылась внутрь.

Я ожидала увидеть пыль, паутину и груды хлама. Но увидела... город.

Маленький, игрушечный, но город. Из старых чайников, сложенных в пирамиды, из часов, развешанных на верёвках, из очков, которые стояли на полках, как в витрине оптики. В углу, на перевёрнутом ящике, лежала стопка пультов — они грелись под лампочкой, как ящерицы на солнце.

А по полу, между всем этим, сновали носки. Много носков. Разных цветов, размеров, степеней потёртости. Они деловито перетаскивали пуговицы и монетки, строили из них башенки и что-то обсуждали.

— О, человек, — сказал кто-то справа.

Я повернулась. На старой тумбочке, привинченной к стене, стоял будильник. Большой, круглый, с потрескавшимся циферблатом и стрелками, застывшими на половине пятого, хотя наверняка было не так.

— Ты кто? — спросила я.

— Я — сторож, — ответил будильник. — Здешний старожил. А ты, значит, та самая, что слышит?

— Та самая, — подтвердила я. — Лена.

— А я — Роман Петрович, — представился будильник. — Можно просто Рома. Давно нас никто из людей не навещал. Только Петрович заходит, инструменты чинит. Но он не слышит, просто добрый.

Я огляделась. В углу, на перевёрнутом ведре, стоял чайник. Из носика у него шёл пар. Рядом, в лужице конденсата, сидели три носка и макали в неё обрывки ткани — наверное, чай изображали.

— Они... пьют чай? — спросила я.

— А чем мы хуже людей? — обиделся будильник. — Мы тоже социальные существа. Нам нужно общение, тепло, забота. Если этого нет, мы уходим. Сюда.

— А если хозяин совсем плохой?

— Если совсем плохой — не бережен, не ухаживает, — будильник вздохнул. — Тогда вещи могут исчезнуть навсегда. Раствориться. Перестать быть.

Я вспомнила дядю Колю. Он не плохой, он просто... усталый. И отвёртки его лежали в ящике годами, без дела. Может, они просто обиделись?

— Их можно вернуть? — спросила я.

— Можно, — кивнул будильник. — Если хозяин изменится. Начнёт замечать, ценить, разговаривать. Не обязательно вслух, можно просто... с душой. Мы чувствуем.

Я посмотрела на пульты. Они грелись под лампочкой и, кажется, дремали.

— А этот, от тёти Любы? — спросила я, показывая на один из них, синенький, потёртый.

— А, этот, — будильник покосился. — Этот вчера пришёл. Говорит, упал под диван, а хозяйка даже не полезла искать. Три дня пролежал, а она по кнопкам на телевизоре щёлкала. Обидно.

Я представила тётю Любу, которая роняет пульт, потом машет рукой и смотрит телевизор с кнопок. И пульт лежит под диваном, пылится и ждёт.

— Я поговорю с ней, — пообещала я.

— Поговори, — кивнул будильник. — Но знай: насильно мил не будешь. Если она не захочет меняться, пульт не вернётся. Он здесь, среди своих, счастлив.

Я кивнула. Потом спросила:

— А можно я ещё приду?

— Приходи, — разрешил будильник. — Ты теперь своя. Только осторожно. Не все вещи любят людей. Некоторые обижены на всю жизнь.

Я пообещала быть осторожной, закрыла дверь и поднялась вверх.

На лестнице меня ждал Петрович.

— Ну что, была? — спросил он.

— Была.

— И как там?

— Живут, — сказала я. — Пьют чай из лужиц. Строят башенки из пуговиц.

Петрович усмехнулся.

— А ты думала, вещи — это просто вещи? Нет, милая. Вещи — это память. Это душа. Просто мы разучились её замечать.

Он похлопал меня по плечу и ушёл в свою каморку.

А я пошла к себе, достала Ноэля и долго рассказывала ему про подвал. Он слушал, затаив дыхание (насколько носок может затаить дыхание), и иногда вздыхал.

— Может, когда-нибудь и я туда попаду, — сказал он задумчиво.

— Только через мой труп, — ответила я. — Ты теперь мой. И я тебя никому не отдам.

Ноэль довольно крикнул и попросил положить его поближе к батарее.

Я легла спать с ощущением, что мир стал чуть больше, чуть сложнее и чуть уютнее. В подвале живут сбежавшие вещи, наверху — ворчливый дядя Коля, внизу — одинокая тётя Люба. А я между ними, с говорящим носком и ключом от города забытых.

Завтра надо будет сходить к тёте Любе. И к дяде Коле. И поговорить с ними. Не о вещах — о них самих.

Может, тогда отвёртки и пульты сами захотят вернуться.

Глава 4. Бизнес-план на салфетке

На следующий день я сидела на кухне, пила чай и смотрела на салфетку.

На салфетке было написано: «Бюро находок. Найду всё. Дорого».

Я перечитала три раза. Потом дописала сверху: «Лена, 2-й этаж». И снизу: «Не дорого».

Ноэль лежал на подоконнике, грелся на утреннем солнце и делал вид, что не подглядывает. Но я-то знала: носки — они любопытные, хуже соседских бабушек.

— Ну и что ты думаешь? — спросила я.

— Думаю, что «не дорого» — это правильно, — отозвался Ноэль. — Ты же только начинаешь.

Я поперхнулась чаем.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста. А куда вешать будешь?

— В подъезде. И в интернете. У меня же есть страничка в соцсети. Правда, я там только котиков репощу.

— Котики — это хорошо, — одобрил Ноэль. — Котики располагают.

Я дописала на салфетке номер телефона, переписала объявление на нормальную бумагу, вырезала и пошла вешать на доску объявлений в подъезде.

Там уже висело: «Продам щенков», «Куплю картошку оптом», «Починю любую сантехнику» (это Петрович) и какое-то странное объявление про снятие порчи с фотографией женщины с очень выразительными глазами. Я пристроила своё рядом.

В лифте встретила тётю Нину. Она посмотрела на меня, на листок в моих руках и понимающе кивнула.

— Дело затеваешь?

— Затеваю, тётя Нин.

— Ну-ну. Главное — не дорого бери. А то наши не потянут.

— Я написала «не дорого», — похвасталась я.

— Молодец. Я всем скажу.

И ушла, шаркая тапками.

В интернете я написала короче: «Ищу потерянные вещи. Обращаться в личку». И прикрепила фотографию кота. На всякий случай.

Первые полдня никто не писал. Я успела перемыть посуду, переставить книги на полке и даже поговорить с чайником (он оказался философом, любил Ницше и жаловался на накипь).

А ближе к вечеру в дверь позвонили.

На пороге стоял мальчик. Лет восьми, в синей куртке, с огромными глазами и таким несчастным лицом, будто у него только что кончилось мороженое на всём свете.

— Вы тётя Лена, которая ищет вещи? — спросил он.

— Я, — сказала я осторожно. — А ты кто?

— Я Коля. С четвёртого этажа.

Я подняла голову. Четвёртый этаж — это как раз над дядей Колей. Значит, тёзки.

— Заходи, Коля. Рассказывай.

Мы прошли на кухню. Я налила ему чаю, поставила на стол печенье. Ноэль на подоконнике сделал вид, что он просто носок, и даже не шевелился. Умный.

— У меня робот пропал, — сказал Коля, глядя в кружку. — Любимый.

— Какой робот?

— Трансформер. Он мог в машину превращаться. У него руки двигались, ноги, всё. А вчера... вчера я его искал, искал, а он пропал.

— Может, под кровать закатился?

— Нет, я всё обыскал. Под кроватью, под шкафом, даже в ванной. Нету.

Я посмотрела на Колю. Он теребил край куртки и не поднимал глаз. Что-то было в этом не так. Что-то он не договаривал.

— Коля, — сказала я мягко. — А что случилось перед тем, как он пропал? Ты с ним играл?

Мальчик замер. Потом очень тихо сказал:

— Я ему руки оторвал.

— Что?

— Ну, не оторвал, они откручивались. Я хотел посмотреть, как он устроен. А потом ноги. А потом голова. А собрать обратно не получилось.

Я вздохнула.

— И ты его обидел?

— Я не хотел! — Коля вдруг всхлипнул. — Я просто... мне интересно было. А он сломался. И я его под стол закинул. А утром его там не было.

Я посмотрела на Ноэля. Ноэль молчал, но, кажется, осуждающе.

— Ладно, — сказала я. — Сиди тут, пей чай. Я схожу кое-куда.

— —

В подвал я спускалась уже увереннее. Лампочка горела, дверь открылась со второго раза. Рома, старый будильник, встретил меня маятником — качнул туда-сюда, что у него вместо приветствия.

— К нам гости? — спросил он.

— К вам, Рома. Ищу робота. Трансформера. С оторванными руками.

Будильник задумался. Потом крикнул куда-то вглубь подвала:

— Эй, новенький! Выходи, к тебе пришли.

Из-за груды старых утюгов вышел робот. Точнее, выполз. Он был маленький, сине-красный, с одной оторванной рукой, которая висела на проводе, и ногой, которая явно была прикручена не туда. Головы у него не было. То есть голова была, но она болталась сбоку, как у щенка, который хочет, но не может.

— Ты Колин? — спросила я.

Робот посмотрел на меня и... заплакал. Металлическим таким скрипом, похожим на старые качели.

— Ну чего ты, — я присела на корточки. — Чего плачешь?

— Он меня мучил, — проскрипел робот. — Он меня разбирал. Каждый день. Я трансформер, конечно, но он ломал меня. Ему было интересно, как я устроен. А мне больно!

— Ты же робот. Тебе не может быть больно.

— Мне обидно, — поправился робот. — Я же не просто железка. Я друг. А со мной как с конструктором обращались.

Я вспомнила Колю, его огромные глаза и дрожащий голос. Вспомнила, как он теребил куртку.

— Он жалеет, — сказала я. — Он сейчас на кухне сидит, чай пьёт и плачет почти. Правда.

— А руки кто прикручивать будет? — спросил робот. — И ногу? И голову?

— Он прикрутит. Обещает.

— А если снова оторвёт?

— Я прослежу.

Робот задумался. Потом покосился на Рому. Будильник качнул маятником — давай, мол, решайся.

— Ладно, — сказал робот обречённо. — Попробую. Но если что — я вернусь. Здесь хорошо. Тепло. И чай есть.

Я посмотрела на лужицу конденсата, в которую носки макали тряпочки. Чай — это громко сказано.

— Договорились, — кивнула я.

Коля ждал на кухне. Он допил чай, съел половину печенья и теперь сидел, уставившись в одну точку.

Я поставила робота на стол.

Коля вздрогнул. Робот стоял, отвернувшись, демонстративно глядя (если бы у него была голова) в стену.

— Ой, — сказал Коля. — А чего он без руки?

— А ты не догадываешься?

Мальчик покраснел. Подошёл к роботу, взял его в руки. Робот не сопротивлялся, но и не радовался.

— Прости, — сказал Коля тихо. — Я больше не буду.

Робот молчал.

— Честно-честно. Я тебя починю. И играть буду аккуратно. И руки откручивать не стану. Только если ты сам захочешь.

Робот чуть повернул голову. То есть она у него всё ещё болталась, но повернулась слегка в сторону Коли. И тут Лена услышала тонкий, скрипучий шёпот — знакомый голос из подвала:

— Если он починит... я, наверное, смогу ещё немного побыть с ним. Но пусть пообещает.

— Он говорит, что останется, если ты пообещаешь, — перевела Лена.

— Обещаю! — выпалил Коля.

Робот слабо кивнул — насколько это возможно с болтающейся головой.

Коля просиял так, что, кажется, лампочка под потолком зажглась ярче. Он схватил робота, прижал к груди и выбежал из кухни, на ходу крикнув:

— Спасибо, тётя Лена! Я принесу деньги!

— Какие деньги? — крикнула я вслед.

Но дверь уже хлопнула.

Я села на стул. Посмотрела на Ноэля. Ноэль посмотрел на меня.

— Ты ж написала «недорого», — напомнил он.

— Я написала.

— А про бесплатно ни слова не было.

— Не было.

— Ну вот. Пусть несёт. Рубль хотя бы. На спички.

Я засмеялась. Налила себе чай. Кружка довольно замурлыкала — я наконец-то научилась заваривать правильно, не кипятком, а чуть остывшей водой, чтобы фарфор не шокировать.

Вечером я залезла в интернет.

В личных сообщениях было семь новых. Семь!

«Соседка тётя Зина сказала, вы вещи ищете. У меня серёжка пропала, золотая, может, слышали?»

«Это вы та волшебная тётя с третьего этажа? У меня часы дедушкины потерялись, помогите, а?»

«Здравствуйте, я с первого этажа, у меня кот пропал, но он не вещь, конечно, но вдруг вы и котов умеете?»

Я откинулась на спинку стула.

— Ноэль, — сказала я. — Кажется, у нас бизнес.

— У тебя бизнес, — поправил Ноэль. — Я просто носок. Консультант, так и быть.

— Консультант по носкам?

— По всем вопросам. Я же носок. Я знаю все.

Я посмотрела на него с уважением.

— А ты, оказывается, ценный кадр.

— Ещё какой, — самодовольно сказал Ноэль. — Бесплатно, заметь, работаю. Только за тепло и ласку.

Я погладила его. Он замурлыкал. Ну, не замурлыкал, но явно довольно зашуршал.

За окном темнело, в доме зажигались огни, где-то наверху Коля, наверное, уже прикрывал роботу руку, а в подвале вещи пили чай из лужиц и обсуждали новенькую, которая приходит и забирает своих.

Жизнь налаживалась. Абсурдная, странная, с говорящими носками и клиентами из соцсетей — но налаживалась.

Я взяла телефон и начала отвечать на сообщения.

Сережку, кстати, я нашла на следующий день. Она лежала в щели между плиткой и ванной и очень обижалась, что её не замечают. Пришлось хозяйке обещать, что теперь она будет чистить зубы и одновременно любоваться серёжкой. Хозяйка согласилась.

А кот пришёл сам. Через три дня. Оказалось, он просто гулял и считал, что предупредить не обязательно.

Вещи — они проще. Им главное — внимание.

Часть вторая

Клиенты бывают разные

Глава 5. Дело о пропавшей улыбке

Утро началось с того, что я пересчитывала носки.

Не потому, что они снова убежали — просто я решила составить реестр. Ноэль лежал рядом и диктовал:

— Чёрных было шесть пар, но пять ушли. Значит, остался один я. Серых было две пары — все ушли. В горошек — одна пара, ушли, но не все, кроме одного, но тот потом тоже...

— Стоп, — сказала я. — А в горошек разве не все ушли? Ты же говорил, оба.

— Да ушли сразу, один потом вернулся. Лежит теперь в дальнем углу ящика, в депрессии. Ему без пары плохо.

— А почему он вернулся?

— Передумал, — философски заметил Ноэль. — В подвале, говорят, хорошо, но скучно. Там всё чужое, а тут хоть ты есть.

Я умилилась. Моя квартира стала пристанищем для депрессивных носков. Чем не бизнес?

В дверь позвонили.

Я открыла. На пороге стоял мужчина лет сорока, в пальто, с портфелем и таким выражением лица, будто он только что потерял что-то очень важное, но не может вспомнить, что именно.

— Вы Лена? — спросил он.

— Я.

— Мне соседка снизу сказала... Тётя Люба. Вы вещи ищете.

— Ищу, — осторожно подтвердила я. — А вы что потеряли?

Мужчина замаялся. Посмотрел по сторонам, потом на меня, потом снова по сторонам.

— Понимаете, — сказал он тихо. — Это глупо звучит. Но я... я потерял улыбку.

Я моргнула.

— Что простите?

— Улыбку. Мою собственную улыбку. Я заходил вчера к соседу, дяде Коле, соль одолжить. Зашёл — улыбался, вышел — уже нет. Я её точно здесь оставил. В подъезде или у Коли в прихожей.

Я посмотрела на него. Лицо у него было серьёзное, даже слишком. Без тени улыбки, конечно.

— Простите, — сказала я. — Я ищу вещи. Носки там, ключи, пульты. А улыбки — это к стоматологу, наверное. Или к психологу.

— Я был у психолога, — вздохнул мужчина. — Она сказала, что улыбка не может потеряться, это метафора. Но я точно знаю: она была. Я улыбался, когда к Коле шёл. У него смешная дверь, с наклейкой. А когда вышел — уже нет.

Я хотела отказаться. Честно хотела. Но он смотрел на меня с такой надеждой, что слова застряли в горле.

— Ладно, — сказала я. — Заходите. Чай будете?

— Буду.

Мы прошли на кухню. Я налила ему чай, поставила печенье. Ноэль на подоконнике притих и делал вид, что он просто носок, хотя я видела, как он наострил уши. Если бы у носков были уши.

— Расскажите подробнее, — попросила я. — Как выглядела ваша улыбка?

Мужчина задумался.

— Обычная. Тёплая. Когда я улыбаюсь, у меня уголки губ вверх и глаза чуть прищуриваются. И внутри становится легко.

— Это не внешность, это ощущение. Как я её найду?

— Не знаю. Но вы же волшебная, говорят.

Я вздохнула. Посмотрела на Ноэля. Ноэль безмолвствовал, но, кажется, пожимал плечами. Если бы носки умели пожимать плечами.

— Сидите здесь, — сказала я. — Пойду поищу.

Я поднялась на этаж выше и позвонила к дяде Коле.

Он открыл не сразу — возился с замком, бормоча про отвёртки, которые до сих пор не вернулись.

— Ленка? Ты чего?

— Дядь Коль, я на секунду. Можно в прихожую заглянуть?

— Зачем?

— У Игоря, соседа твоего, улыбка пропала. Говорит, здесь оставил.

Дядя Коля посмотрел на меня как на сумасшедшую. Потом махнул рукой:

— Проходи. Только у меня бардак.

В прихожей у дяди Коли действительно был бардак. Висели куртки, стояли резиновые сапоги, на тумбочке громоздились газеты, ключи, старая шапка и какой-то ржавый гвоздь, который, судя по виду, жил здесь уже лет десять.

Я закрыла глаза и прислушалась.

— Тихо, — сказала я вещам. — Мне нужна улыбка. Светящаяся. Кто-нибудь видел?

Гул голосов. Газеты зашуршали, ключи звякнули, шапка приподнялась — насколько шапка может приподняться.

— Вон там, — проскрипел ржавый гвоздь. — На полке, рядом с ключами. Такая... светящаяся. Я думал, это солнце

Я открыла глаза. На полке, заваленной всякой всячиной, действительно лежало маленькое светящееся облачко. Оно пульсировало ровным тёплым светом и, кажется, дремало.

— Ты улыбка? — спросила я шёпотом.

Облачко встрепенулось, приподнялось и чуть заметно кивнуло.

— Ты чего здесь лежишь? Тебя Игорь потерял.

Облачко колыхнулось. До меня донёсся тоненький, едва слышный голосок:

— Я не терялась. Я просто устала. Он так долго с дядей Колей разговаривал, про соль, про погоду, про здоровье... Я висела, висела в воздухе, а потом прилегла отдохнуть. А когда он ушёл, я не успела.

Я чуть не рассмеялась. Улыбка устала ждать, пока Игорь наговорится с соседом.

— Пойдём к нему? Он на кухне сидит, чай пьёт. Без тебя совсем грустный.

Улыбка заколебалась.

— А он не обидится, что я ушла?

— Он не обидится. Он обрадуется.

— Тогда пойдём.

Облачко поднялось в воздух и поплыло за мной.

Я вышла от дяди Коли, спустилась на свой этаж и завела облачко на кухню.

— Закройте глаза, — сказала я Игорю.

Он послушно закрыл.

— А теперь откройте.

Облачко уже висело прямо перед его лицом.

Игорь моргнул. Посмотрел на облачко. Облачко посмотрело на Игоря (если у облачка могут быть глаза).

— Ты здесь, — сказал он тихо.

Облачко колыхнулось и медленно, осторожно всплыло прямо в него. Прямо в лицо. Рас-
творялось.

Игорь улыбнулся.

Обычной такой, тёплой улыбкой. Уголки губ вверх, глаза чуть прищурились.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответила я. — Она просто устала ждать, пока вы с дядей Колей нагово-
ритесь.

Игорь засмеялся. Настоящим, живым смехом.

— Я ему соль носил. А он про жизнь рассказывал. Два часа.

— Вот видите. Улыбки не любят долгих разговоров. Им надо, чтобы ими пользовались.

Он допил чай, положил на стол пятьсот рублей (я пыталась отказаться, но он сказал: «Это не деньги, это благодарность, они не пахнут»), и ушёл. Улыбаясь.

А я осталась сидеть на кухне и смотреть на Ноэля.

— Ну и что это было? — спросила я.

— Это была улыбка, — сказал Ноэль. — Ты что, не видела?

— Видела. Но... как? Улыбка — это не вещь. Это эмоция.

— Эмоция, которая может устать и прилечь отдохнуть, — назидательно сказал Ноэль. —

А раз может — значит, её можно найти. Ты теперь не просто ищешь носки, Лена. Ты ищешь
то, что людям нужно.

— Я не просила такой ответственности.

— А кто просит? Она сама приходит.

Я заварила новый чай. Кружка молчала, но, кажется, с уважением.

Вечером я залезла в интернет. В сообщениях было уже пятнадцать новых. Кто-то поте-
рял ключи, кто-то — документы, кто-то — любимую кружку. А одна женщина написала: «Я
потеряла сон. Тот самый, спокойный, который раньше был каждую ночь. Вы можете помочь?»

Я посмотрела на экран. Потом на Ноэля. Потом снова на экран.

— Ну что, — сказала я. — Похоже, мы теперь и сны ищем.

— А что такого? — отозвался Ноэль. — Сны — они тоже вещи. Только мягче. И тоже,
наверное, устают и прилегают отдохнуть где-нибудь в шкафу.

Я засмеялась и начала печатать ответ.

За окном темнело, в подвале вещи пили чай из лужиц, где-то наверху Игорь, наверное,
улыбался своим домашним, а на четвёртом этаже Коля уже прикрутил роботу руку и теперь
пытался приделать голову.

Жизнь налаживалась. Странная, абсурдная, с говорящими носками и потерянными улыб-
ками — но налаживалась.

Я дописала ответ женщине про сон, пообещав завтра зайти, и пошла спать.

Интересно, у снов есть характер? И если они теряются, где они прячутся? Наверное, там
же, где и улыбки — в чужих прихожих, на пыльных полках, где их никто не ищет.

Но теперь ищут.

Глава 6. Соседка с чемоданом

Утром я пыталась объяснить Ноэлю, почему нельзя есть мои колготки.

— Я не ем, — обижался носок. — Я просто примеряю. Мы, носки, любопытные.

— Ты не умеешь примерять. У тебя нет ног.

— А у колготок есть? Они же тоже носки, только длинные. Между прочим, они жалуются, что ты их редко носишь.

Я вздохнула. В дверь позвонили.

На пороге стояла тётя Зина с третьего этажа. Я знала её в лицо — сухонькая старушка, всегда в платочке, вечно таскающая сумки с продуктами. Но сегодня она была без сумок. И без платочка. И вообще выглядела растерянной.

— Леночка, — сказала она дрожащим голосом. — Ты же вещи ищешь?

— Ищу, тётя Зин. А вы потеряли что-то?

Она помялась.

— Понимаешь... я молодость потеряла. Она у меня там, в чемодане, на антресоли лежит. Тридцать лет не открывала. А теперь думаю: может, вернётся, если открыть?

Я моргнула.

— Молодость?

— Ну да. Фотографии там, письма, платья. Я тогда красивая была. А теперь... — она махнула рукой. — Достань, а? Сама я не полезу, старая уже.

Я посмотрела на Ноэля. Ноэль промолчал, но, кажется, закатил глаза. Если бы у носков были глаза.

— Пойдёмте, тётя Зин, — сказала я. — Посмотрим.

Квартира у тёти Зины была старая, с высокими потолками и скрипучими половицами. Пахло нафталином и ещё чем-то неуловимо грустным. На стенах висели ковры, на полках — хрусталь, в углу — фикус размером с небольшое дерево.

— Вон там, — тётя Зина показала на антресоль под потолком.

Я принесла стремянку, залезла. Чемодан был тяжёлый, старый, коричневый, с потёртыми углами и ржавыми замками.

— Открывать будем? — спросила я, спустившись.

— Будем, — выдохнула тётя Зина.

Замки поддались не сразу. Я нажала — и крышка с лёгким щелчком откинулась.

Внутри лежала жизнь.

Фотографии, пожелтевшие, с выцветшими лицами. Письма в конвертах, перевязанные ленточкой. Платья — ситцевые, с цветочками, с кружевами. Туфли на каблуке, стоптанные, но такие изящные. И запах — не нафталина, а чего-то сладкого, давнего, забытого.

Я протянула руку, чтобы взять верхнее письмо, и вдруг...

— Не трогай!

Голос был тонкий, звонкий, как колокольчик.

Я отдёрнула руку.

— Кто здесь?

— Мы, — ответил другой голос, поглубже. — Воспоминания. Не буди нас.

Я прислушалась. Из чемодана доносился гул — множество голосов, перешёптывающих, спорящих, вздыхающих.

— Вы чего? — спросила я шёпотом. — Я же помочь хочу.

— Помочь? — фыркнул первый голос. — Той, что забыла нас на тридцать лет? Мы тут лежим, пылимся, ждём, а она даже не вспоминает.

— Она вспоминает, — сказала я. — Она поэтому и позвала. Молодость свою ищет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.